

В.В. СОКОЛОВ

СЕКРЕТНАЯ МИССИЯ В.Г. ДЕКАНОЗОВА В УРУМЧИ (СИНЬЦЗЯН) В 1942 году

В советской и российской историографии этот эпизод в советско-китайских отношениях лета 1942 г., т.е. самого тяжелого периода Великой Отечественной войны, до сих пор не привлекал внимания историков. Это объяснялось, по-видимому, недостаточностью документальной базы и отсутствием интереса не к самому удачному шагу советской дипломатии. Теперь же под редакцией академиков С.Л. Тихвинского и В.С. Мясникова вышли два объемистых тома документов по советско-китайским отношениям, издан Историко-документальным департаментом МИД России очередной, 25-й том “Документов внешней политики СССР” за 1942 г., а также солидные работы, посвященные политике СССР в отношении китайской провинции Синьцзян¹.

Но вначале надо изложить предысторию этого визита, чтобы понять место миссии Деканозова в развитии советско-китайских отношений 30-х–40-х годов в связи с событиями того времени в Синьцзяне.

Китайская провинция Синьцзян, граничившая с азиатскими республиками, входившими в состав СССР, занимала особое положение в российско-советско-китайских отношениях в первой половине XX в. Еще при царизме там существовали несколько консульских пунктов, обслуживавших российских и местных жителей, осуществлявших торговые связи между двумя странами.

Гражданская война в России и последовавший за ней ряд голодных лет, а также коллективизация сельского хозяйства в начале 30-х годов побудили многих жителей Средней Азии переселиться в Синьцзян, поскольку граница строго не охранялась, а там проживали этнически близкие к ним народы – казахи, киргизы, узбеки, уйгуры, дунгане, а также русские, опасавшиеся репрессий за поддержку белого движения. В то же время народы этого китайского региона существенно отличались от собственно китайцев-ханьцев, которых было немного тогда в Синьцзяне, от 5 до 10%, прежде всего по языку, религии, обычаям и т.д.

Интерес Советского Союза к Синьцзяну существенно возрос после захвата в 1931–1932 гг. милитаристской Японией Маньчжурии (северо-восточных провинций Китая), через которую осуществлялись прямые связи с центральными районами Китая. Тогдашний правитель Китая Чан Кайши сдал Маньчжурию фактически без боя, рассчитывая, с одной стороны, на возможное военное столкновение Японии с СССР, а

Соколов Владимир Васильевич – кандидат исторических наук, специалист по международным отношениям и внешней политике СССР (России).

¹ Русско-китайские отношения в XX веке. Советско-китайские отношения. Т. IV. 1937–1945. Кн. 1. 1937–1944. М., 2000; Русско-китайские отношения в XX веке. Советско-китайские отношения. Т. III. 1931–1937. М., 2010; Документы внешней политики СССР (далее – ДВП), т. 25, в 2-х кн. М., 2010 г. См. также: *Панюшкин А.С.* Записки посла: Китай 1939–1944. М., 1981; *Галенович Ю.М.* “Белые пятна” и “болевые точки” в истории советско-китайских отношений. М., 1992; *Ледовский А.М.* На дипломатической работе в Китае. – Новая и новейшая история, 1993, № 6; *Бармин В.А.* Советский Союз и Синьцзян. 1918–1941. Барнаул, 1998; *Красильников В.Д.* Синьцзянское притяжение. М., 2007; *Тихвинский С.Л.* Восприятие в Китае образа России. М., 2008.

с другой, – имея в виду сохранить свои военные силы для нанесения удара по вооруженным силам Коммунистической партии Китая (КПК)².

Расчет Чан Кайши имел определенное основание. Еще в декабре 1931 г. СССР предложил Японии заключить договор о ненападении,³ однако в 1932 г. японское правительство отклонило это миролюбивое советское предложение⁴. Тогда между наркомом иностранных дел СССР М.М. Литвиновым и представителем Китая в Лиге наций Янь Хой-цин 12 декабря 1932 г. была достигнута договоренность о восстановлении разорванных в 1929 г. дипломатических отношений между СССР и Китаем⁵. 2 мая 1933 г. новый полпред Д.В. Богомолов вручил свои верительные грамоты президенту Китая Линь Синю.

В это же время китайский генерал Шэнь Шицай, командовавший группировкой войск, участвовавших в подавлении восстания коренных народов провинции Синьцзян, опираясь на военную поддержку со стороны “белогвардейских отрядов”, пришедших с Севера, т.е. с территории СССР, совершил военный переворот в Урумчи, главном городе провинции Синьцзян, и в конце концов занял все высшие руководящие посты в провинции.

Центральное правительство Китая, занятое борьбой с растущим влиянием компартии, ничего не имело против появления нового диктатора. Здесь надо признать, что Шэнь Шицай в первые годы своего правления высказывал ряд прогрессивных идей.

12 апреля 1933 г. он сформулировал свою программу из 6 пунктов, которую противопоставлял знаменитой триаде (национализм, демократия и народное благоденствие) китайского революционера Сунь Ятсена, а именно, борьба с империализмом, дружба с СССР, строительство новой экономики Синьцзяна, расовое и национальное равенство, борьба с коррупцией, борьба за мир⁶.

На основе этих принципов была разработана программа его правительства, которая включила отмену всех незаконных постановлений прежнего правительства, и в то же время предусматривала разведку и разработку недр Синьцзяна, помощь крестьянству, улучшение путей сообщения и повышение уровня жизни народов провинции⁷.

Шэнь Шицай обратился со специальным воззванием к народам Синьцзяна с призывом прекратить повстанческое движение перед лицом угрозы японского империализма, оккупировавшего Маньчжурию и готовящегося к широкой агрессии против Китая, Монголии и Синьцзяна⁸. Все это наряду с его заявлениями о желании поддерживать хорошие отношения с Советским Союзом и бороться с империализмом подкупало советских консульских представителей в Синьцзяне, по подсказке которых Москва помогала Шэнь Шицаю подавить ряд сепаратистских выступлений неханьских народов, исповедующих ислам (дунган, уйгуров, казахов, киргизов, таджиков) против китайских властей.

В июле 1933 г. состоялось совещание представителей заинтересованных ведомств в отношении определения общих принципов политики СССР в отношении Синьцзяна под председательством заместителя наркома иностранных дел Г.Я. Сокольников. В результате Политбюро ЦК ВКП(б) 15 августа 1933 г. приняло решение: “Считать неприемлемым поддерживать лозунг и политику отделения Синьцзяна от Китая”. Одновременно было признано необходимым оказать поддержку правительству в Урумчи в его стремлении улучшить методы китайской администрации в Синьцзяне⁹.

² Тихвинский С.Л. Указ. соч., с. 114.

³ ДВП, т. 14. М., 1968, с. 747.

⁴ ДВП, т. 15. М., 1969, с. 685.

⁵ Там же, с. 680 – 681.

⁶ Архив внешней политики Российской Федерации (далее – АВП РФ), ф. 0100 в, оп. 24, п. 180, д. 1, л. 38.

⁷ Красильников В.Д. Указ. соч., с. 167.

⁸ Там же, с. 168.

⁹ Архив Президента Российской Федерации, ф. 3, оп. 5, д. 502, л. 5.

Перед лицом возраставшей угрозы со стороны японской военщины, организовавшей военные столкновения на границе с СССР в районе погранзаставы Гродеково и в других местах, советское правительство предприняло ряд шагов в деле дальнейшего улучшения отношений как с центральным правительством Китая, так и расширения сотрудничества с провинциальным правительством Синьцзяна, через территорию которого можно было осуществлять поставки в центральные районы Китая.

Однако в июне 1934 г. Шэнь Шицай направил в Москву советским руководителям послание о своих планах по советизации Синьцзяна и о своем намерении вступить в ВКП(б)¹⁰.

В связи с этим И.В. Сталин написал генеральному консулу СССР в Урумчи Г.А. Апресову письмо, в котором говорилось: «Письмо Шэнь Шицай произвело на наших товарищей удручающее впечатление. Его мог написать либо провокатор, либо безнадежный “левак”, не имеющий представления о марксизме. Как могло случиться, что Шэнь, имеющий такого советника, как Вы, мог написать нам... такое письмо»¹¹.

В тот же день, 27 июля, советское руководство в лице И.В. Сталина, В.М. Молотова и К.Е. Ворошилова направило Апресову дополнительное указание, в котором разъяснялась позиция СССР в отношении Китая и давалось указание прочесть дубану телеграмму текстуально. В ней говорилось: “Первое – СССР стоит твердо и непоколебимо на точке зрения целостности Китая и никаких территориальных претензий ни прямых и ни косвенных в отношении Китая не имеет.

Второе – мы поддерживаем и намерены поддерживать Шэня только потому, что считаем территориальную целостность Китая целесообразной и желательной не только с точки зрения Китая, но и с точки зрения СССР.

Третье – СССР является одной из немногих, если не единственной страной, которая поддерживает и будет поддерживать Китай в его борьбе за независимость против всех и всяких махинаций японцев, англичан и других империалистических держав.

Четвертое – советизация Синьцзяна в какой бы то ни было форме... не входит в наши планы.

Пятое – мы высказываемся также против таких экономически-торговых отношений между СССР и Синьцзяном, которые могли бы нанести малейший ущерб интересам Синьцзяна. Наши экономические отношения должны покоиться на обоюдной хозяйственной выгоде и только на этом”¹².

5 июля 1934 г. в НКВД была получена информация из Пекина, в которой говорилось, что генерал Шэнь Шицай с помощью Советского Союза справился с положением в Синьцзяне. “Только благодаря участию в военных операциях 12 аэропланов, закупленных Шэнем в СССР, ему удалось разбить войска Ма Чжунина, осаждавшего Урумчи. Внешне Шэнь как будто ориентируется на СССР, но фактически положение представляется совершенно иначе”¹³. В то время нередко многие дипломаты считали, что Шэнь Шицай является японским агентом, исходя из того, что он сам и его жена учились в Японии. На самом деле он был просто типичным китайским милитаристом и пытался удержаться у власти любой ценой, действуя по принципу использовать “варваров против варваров”¹⁴.

8 августа 1934 г. заместитель наркома иностранных дел Б.С. Стомоняков писал полпреду в Китае Д.В. Богомолу: “Важнейшим практическим вопросом наших отношений с нанкинским правительством в настоящее время является договоренность относительно Синьцзяна. Как я уже сообщил по телеграфу: Совсиньторг (объединение для советско-синьцзянской торговли) собирается предоставить синьцзянскому правительству подтоварную ссуду в размере от 3-х до 4-х млн. рублей с обязательством по-

¹⁰ Советско-китайские отношения, т. III, с. 317.

¹¹ Там же, л. 317–318.

¹² Там же, с. 317.

¹³ Там же, с. 309.

¹⁴ Бармин В.А. Указ. соч., с. 173.

следнего выплатить эту сумму синьцзянским сырьем”. Сам Совсиньторг имел в виду предоставить эту ссуду нашими товарами. Кроме того, “намечено в счет этой суммы оказание технических услуг синьцзянскому правительству путем предоставления ему специалистов-инструкторов для постройки дорог и т.п.”¹⁵.

Однако, учитывая экономическую отсталость провинции, советское правительство в лице Госбанка предоставило властям Синьцзяна по договору от 15 мая 1935 г. большую ссуду, а именно в 5 млн. золотых рублей на льготных условиях и направило в Синьцзян различных специалистов для оказания помощи в поисках полезных ископаемых и налаживания производства. В следующем году было подписано новое соглашение о дополнительной ссуде в 2 млн. руб. на поставку товаров в Синьцзян, на прежних условиях. Против этого не возражал и главнокомандующий Китая Чан Кайши, поскольку эти деньги шли на нужды экономического развития провинции Китая¹⁶.

Однако, в мае 1937 г., возможно не без подстрекательства извне, возникло очередное восстание мусульманских народов против китайского господства в Синьцзяне. Шень Шицай вновь обратился за помощью к СССР.

Японские стратеги планировали использовать сепаратистские настроения определенных кругов Синьцзяна, стремившихся создать независимое мусульманское государство. Они всемерно поддерживали сепаратистов и строили планы выхода на Синьцзян через Монголию. Скоро стало ясно, что это восстание стало предвестником более широкого японского вторжения в Китай, за которым последовало отделение нескольких северо-восточных провинций от Китая, где были созданы прояпонские режимы.

В этих условиях СССР решил помочь Китаю удержать Синьцзян, направив в сентябре 1937 г. части так называемой Киргизской национальной армии, которые нанесли поражение мятежным группировкам генерала Ма Хуншаня и командира уйгурской армии Мамута¹⁷. Тем самым была оказана решающая помощь дубаню, который в знак благодарности позволил некоторым частям китайской Красной Армии, теснимых гоминдановцами, укрыться на территории Синьцзяна.

А тем временем японское правительство, воспользовавшись пассивностью западных держав, прежде всего Великобритании, США и Франции, интересы которых были непосредственно затронуты агрессивными действиями японских милитаристов на Дальнем Востоке предприняло новое вторжение на китайскую территорию.

Нападением японцев на китайские отряды у Лугоуцяо под Бэйпином (Пекином) 7 июля 1937 г. начался новый этап, по-прежнему, необъявленной японо-китайской войны.

В этих условиях лишь Москва оказала политическую и военную поддержку Китаю, предложив Центральному правительству, возглавляемому практически Чан Кайши, заключить договор о ненападении. 21 августа 1937 г. такой договор был подписан и он вступил в силу по взаимной договоренности без его соответствующей ратификации¹⁸. Фактически же это был договор о взаимопомощи, причем одностороннего характера. Уже в сентябре между представителями двух стран была достигнута негласная договоренность о конкретных советских поставках военной техники, боеприпасов и т.п. в счет будущего советского финансового кредита. В частности, предусматривалась поставка 225 боевых самолетов, а также командирование в Китай советских летчиков-добровольцев¹⁹.

Осуществление этих договоренностей по поставкам военной техники в Китай в тогдашних условиях могло происходить скрытно только через Синьцзян. Это понимали политические деятели Китая, зная, что СССР не располагает на Дальнем Востоке

¹⁵ Советско-китайские отношения, т. III, с. 319–320.

¹⁶ Там же, с. 797–798.

¹⁷ *Воскресенский А.Д.* Россия и Китай: теория и история межгосударственных отношений. М., 1999, с. 213–214.

¹⁸ ДВП, т. 20. М., 1976, с. 466.

¹⁹ *Тихвинский С.Л.* Указ. соч., с. 115.

мощным флотом. К тому же уже в конце 1937 г. такие китайские торговые порты, как Тяньцзинь, Шанхай, а затем в 1938 г. и даже Кантон (Гуаньчжоу) и др. были захвачены японцами.

22 сентября 1937 г. полпред в Китае Богомолов передал в адрес наркома обороны Ворошилова телеграмму Чан Кайши, в которой выражалась искренняя признательность “за любезное содействие в получении нами самолетов, персонала и вооружения”²⁰.

Одновременно советское правительство стремилось оказать экономическое содействие Синьцзяну, а через него и всему Китаю, хотя экономическое положение в его собственной стране было сложным. К тому же на границах СССР нависала угроза, как с Запада, так и с Востока, а Москва в то же время помогала правительству республиканцев в Испании в вооруженной борьбе против фашизма.

Тем не менее, усилиями советских геологов, направленных в Синьцзян, уже в 1935 г. была обнаружена нефть в районе Тушанцзы, а пробуренные 6 из первых 11 неглубоких скважин дали нефть²¹. К концу 1937 г. при содействии СССР были сооружены и сданы в эксплуатацию небольшие электростанции в Урумчи, Кульдже, Чугучаке и других городах мощностью 225 квт., телефонные станции, лесопильные заводы²². Потребовалось восстановить созданную когда-то англичанами текстильную фабрику в Урумчи, построить кирпичный завод, типографию, мыловаренный завод, маслобойный завод и другие предприятия²³. Конечно, это были небольшие, но необходимые для провинции производства. Наряду с этим была организована добыча каменного угля в пределах полного обеспечения потребности предприятий, учреждений и населения основных городов Синьцзяна. Удалось наладить также производство цемента для дорожного строительства, а также освоить открытые советскими геологами месторождения меди, цинка, олова, вольфрама, а также организовать поиски золота в горах Алтая²⁴.

Беседуя с главой китайской делегации маршалом Ян Цзе 18 ноября 1937 г., Сталин говорил, что нефть находится в Синьцзяне близко от поверхности, на глубине 200 – 300 метров. Можно будет создать совместное советско-китайское нефтяное общество и помочь в производстве бензина. На просьбу Ян Цзе об оказании помощи, Сталин сказал: “мы поможем вам, не жалея ни денег, ни оружия. Вы ведь не знали даже, что мы помогли вам в Синьцзяне, послав свои войска, одетые, как китайцы”. Уточняя свою информацию, Сталин говорил: “Там хотели создать мусульманское государство под английским протекторатом, направленное против Китая и против СССР. Мы были заинтересованы помочь Шэнь Шицаю, который..., кажется, неплохой администратор”²⁵.

25 ноября 1937 г. главнокомандующий вооруженными силами Китая Чан Кайши направил Сталину письмо, в котором от имени китайского народа благодарил “за моральную поддержку и материальную помощь, которую Советский Союз оказывает нам в течение последних месяцев”. Он сообщил в этом письме о предстоящей поездке в Москву председателя законодательного юаня Китая Сунь Фо – сына знаменитого китайского революционера Сун Ятсена²⁶.

21 декабря 1937 г. китайское правительство проинформировало НКВД о создании марионеточного прояпонского правительства в Бейпине (Пекине), наряду с уже созданными подобными правительствами в Маньчжурии, Жэхе и Хэбэе²⁷.

²⁰ ДВП, т. 20, с. 748.

²¹ Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ), ф. 413, оп. 12, д. 6108, л. 1–2.

²² АВП РФ, ф. 0100 в, оп. 23, п. 174, д. 23, л. 102–103.

²³ РГАЭ, ф. 413, оп. 12, д. 1951, л. 25–26.

²⁴ АВП РФ, ф. 0100 в, оп. 23, п. 180, д. 3, л. 2–9.

²⁵ Советско-китайские отношения, т. IV, кн. 1, с. 153.

²⁶ Там же, с. 159–160.

²⁷ Там же, с. 179.

В феврале 1938 г. состоялась беседа Сталина с Сунь Фо, в которой Сталин, несмотря на просьбу китайского правительства, высказался против вступления СССР в войну с Японией. При этом он сослался на две причины: это ухудшило бы позиции Китая на международной арене, поскольку бы лишило Китай помощи других стран, некоторые из которых перешли бы на сторону Японии, и в то же время объявление войны со стороны СССР могло бы быть воспринято в Японии как акт агрессии²⁸.

Касаясь подозрений некоторых китайских деятелей относительно агрессивных замыслов СССР в отношении Синьцзяна, Сталин заявил Сунь Фо, что “у нас достаточно своей земли” и мы лишь “вынуждены помогать Синьцзяну, потому что Китай слишком слаб, чтобы взять это на себя”²⁹.

На попытки отдельных китайских представителей организовать поставки советской экономической и военной помощи через Монголию Б.С. Стомоняков проинформировал полпреда в Китае И.Т. Лугонца-Орельского, что “мы считаем гораздо более приспособленной для сообщения между нашими странами связь через Синьцзян, чем через Монголию”. Хотя этот путь был несколько длиннее, он лучше подходил для перевозок, чем пески пустыни Гоби³⁰. Последующие события, а именно развязанное японцами в мае 1939 г. вооруженное вторжение в МНР – в районе Халхин-Гола, подтвердило правильность этого решения.

Агрессивные действия Японии на Дальнем Востоке приобретали все более широкий размах, а международное сообщество в лице Лиги наций и ведущих мировых держав – США, Англии, Франции предложила политике невмешательства в сложившееся положение в Китае, где японцы захватили важнейшие районы страны. В этих условиях роль Синьцзяна все более возрастала. Это понимали в Москве и в Китае. Поэтому Сунь Фо, будучи в Англии в том же году и не получив осязаемой английской военной помощи, в беседе с советским полпредом в Лондоне И.М. Майским всемерно расхваливал помощь, оказываемую СССР, отмечая, что снабжение происходит гладко и регулярно. Авиация идет в Китай летом через Синьцзян. Советские машины первоклассные, а направленные эксперты оказывают китайским летчикам большую помощь в тренировках³¹.

Но советские летчики не только учили своих китайских коллег, например, в созданной Советским Союзом авиационной школе в Кульдже, но и на практике показывали, как нужно защищать свою родину. В феврале 1938 г. они провели успешную операцию в районе Ханчжоу, уничтожив 30 японских самолетов, складские помещения на аэродроме и на железнодорожной станции. Крупным успехом увенчалась проведенная в том же месяце операция советских бомбардировщиков против японской авиабазы на острове Тайвань, в ходе которой было уничтожено 40 самолетов на аэродроме, а также повреждено и потоплено несколько судов³².

Это была как бы ответная акция на жестокость японской военщины. Так 7 декабря 1937 г. японская авиация нанесла массированный удар по временной столице Китая Нанкину и подвергла его варварской бомбардировке, а 12 декабря японские оккупанты ворвались в город и устроили резню, которая продолжалась 5 суток. Всего в городе погибло в эти дни около 300 тыс. человек³³.

В результате китайское правительство было вынуждено перенести временно свою столицу в г. Чунцин, куда переехал и диккорпус до победы Китайской революции, т.е. до 1 октября 1949 г. Но японцы не оставили в покое и временную столицу Китая, подвергая ее неоднократным разрушительным бомбардировкам.

Освободительная война китайского народа против японских захватчиков на первых порах мало затронула экономическую и политическую жизнь народов Синьцзяна

²⁸ Там же, с. 199.

²⁹ Там же, с. 200.

³⁰ Там же, с. 221.

³¹ АВП РФ, ф. 017а, оп. 1, п. 1, д. 5, л. 57–69.

³² Тихвинский С.Л. Указ. соч., с. 116.

³³ Труд, 6.VIII.1985.

в силу его отдаленности и определенной обособленности от центральных провинций Китая. Но когда через столицу Синьцзяна г. Урумчи стали проезжать такие видные политические деятели Китая, как Сунь Фо, а также руководители КПК, дубань вновь поставил перед советским правительством вопрос о своем визите в Москву³⁴.

В конце августа 1938 г. Шэнь Шицай прибыл в Москву с неофициальным визитом. Ему предоставили возможность посетить многие интересные достопримечательности столицы. 2 сентября он был принят в Кремле Сталиным, Молотовым и Ворошиловым. Ему задали много вопросов, касавшихся экономического положения в Синьцзяне, видимо с целью выяснения того, насколько он владеет информацией о положении в провинции. Так, например, Сталин спросил, есть ли в Синьцзяне нефть и разрабатываются ли месторождения, хотя, как сказано выше, он сам говорил об этом китайскому представителю. Дубань на это ответил, что нефть есть, но добыча ее только началась, так как еще не прибыли соответствующие специалисты из СССР.

На вопрос Молотова о плане развития экономики провинции дубань сказал, что большого плана у них нет, но предпринимаются определенные шаги в связи с освоением предоставленного СССР 5-миллионного займа и добычи нефти, олова, золота и др. Он хвалил работу советских специалистов.

На вопрос есть ли в Синьцзяне "троцкисты", дубань ответил, что троцкисты были, но он их всех арестовал. Сталин добавил к этому, что кроме троцкистов в Синьцзяне были еще и националисты. Сами эти вопросы как бы развязывали дубаню руки для продолжения начатых им репрессий в Синьцзяне.

В заключительной части беседы дубань поставил вопрос о его вступлении в партию большевиков, заявив, что это было его давней мечтой. После обсуждения этого вопроса Сталин ответил, что он не возражает. Шэнь Шицай обещал, что он будет держать свое членство в секрете³⁵. При отъезде ему формально на вокзале был вручен партийный билет.

6 сентября 1938 г. в честь Шэнь Шицай и его супруги был устроен обед, на котором присутствовали советские руководители. В ходе визита в Москву дубань еще в августе имел краткую встречу с наркомом иностранных дел М.М. Литвиновым, а 7 сентября с его заместителем В.П. Потемкиным. В ходе беседы с ним дубань сказал, что "китайское правительство и китайский народ прекрасно понимают, что единственным другом Китая является Советский Союз, искренне помогавший и продолжающий оказывать свою помощь Китаю". Отвечая на вопрос Потемкина, Шэнь Шицай сказал, что "строительство шоссе на дороге Хоргос – Урумчи уже закончено". Узнав от собеседника о предстоящем соглашении СССР с Китаем об установлении авиационной связи, дубань одобрил эту идею, сказав, что ее осуществление создает большое удобство как для центрального Китая, так и для Синьцзяна.

Шэнь Шицай рассказал в этой связи о посещении авиационного завода в Москве, который "произвел на него прекрасное впечатление, и он восхищен успехами авиации Советского Союза". Не забыл он упомянуть о посещении метро, Мавзолея, канала Москва – Волга, Большого театра и других достопримечательностей³⁶.

В заключительной беседе 11 сентября с заведующим 2-м Восточным отделом НКВД С.Н. Мироновым Шэнь Шицай подчеркнул, что Синьцзян представляет собой "важную стратегическую провинцию, являясь тылом борющегося за свою национальную независимость китайского народа". По его мнению, "Чан Кайши в прошлые годы не хотел бороться с японцами и только благодаря помощи СССР Синьцзян остался частью Китая и не был захвачен японским и английским империализмом". В ответ на

³⁴ Предполагалось, что он нанесет этот визит в мае 1935 г., но Москва отложила его просьбу.

³⁵ Советско-китайские отношения, т. IV, кн. 1, с. 307–311.

³⁶ АВП РФ, ф. 0100в, оп. 23, п. 174, д. 16, л. 10.

его слова Миронов вновь заявил, что “мы всегда рассматривали Синьцзян, как неотъемлемую часть Китая”³⁷.

На какое-то время Шэнь Шицай почувствовал свою важную роль в развитии советско-китайских отношений, полагая, что с ним считаются. Это, по-видимому, вскружило ему голову. А заданный Сталиным вопрос о “троцкистах” как бы развязывал ему руки в борьбе с инакомыслящими. В результате проводившихся Шэнь Шицаем незаконных арестов за 10 лет его “руководства” Синьцзяном до сентября 1944 г., когда он покинул провинцию, там было арестовано до 100 тыс. человек, многие из которых погибли³⁸.

Но это было позже. А в 1938 г., после незаконного ареста Б.С. Стомонякова, распалась Синьцзянская комиссия, которая осуществляла с 1932 г. общую координацию работы различных советских наркоматов и ведомств по налаживанию сотрудничества с провинцией. В новой обстановке всей этой работой стал конкретно заниматься Наркоминдел. В докладной записке М.М. Литвинову от 21 февраля 1939 г. врио зав. Восточным отделом НКВД С.К. Царапкин отмечал: “Синьцзянское провинциальное правительство и возглавляющий его Шэнь Шицай в практической работе... обращается к нашим представителям за советами и помощью. Отказывать ему в этом, значит, он будет искать помощи в других местах”. В записке указывалось, что англичане там, особенно на юге, работают очень активно. Однако консульство НКВД, куда дубань обращается за советами, иногда совершенно не знает о фактах заговоров и восстаний на юге Синьцзяна.

Особенно НКВД волновал в этот период вопрос о выступлениях казахов и дунган в округе Хами, т.е. непосредственно в районе тракта из СССР через Синьцзян в центральные районы Китая³⁹. Дубань ценил помощь СССР и его готовность помогать Китаю против Японии всеми средствами обороны согласно заключенным договорам⁴⁰. Он приветствовал участие СССР в защите МНР от японского вторжения на реке Халхин-Гол, а также наличие советских войск на границе с Маньчжурией, иначе японцы сняли бы оттуда свои войска и бросили бы их на поддержку своей армии в Китае, что ухудшило бы положение войск Чан Кайши.

В 1937 г. группа бойцов китайской Красной Армии, сражавшаяся на северо-западе, оказалась отрезанной от своих основных сил и при отступлении вынуждена была интернироваться в Синьцзяне. После заключения соглашения между Чан Кайши и КПК о совместной борьбе против японских захватчиков часть из них вернулась в Китай, а небольшая часть коммунистов (в переписке НКВД их называли “кочевниками”) осталась на работе в Синьцзяне, где они использовались на различных административных, военных и других должностях. Об оставлении их в Синьцзяне и использовании на практической работе ходатайствовал сам дубань. Однако позже, в декабре 1938 г. – январе 1939 г., между Шэнь Шицаем и этой группой работников компартии возник ряд инцидентов.

В беседе с исполняющим обязанности генконсула в Урумчи И.Х. Овдиенко 9 декабря 1938 г. Шэнь Шицай проинформировал его о том, что “кочевники” под руководством Фан Лина создают в Синьцзяне нелегальные коммунистические ячейки, проводят свою работу и распространяют коммунистическую литературу. Дубань категорически возражал против этого. 12 декабря он сообщил Овдиенко о своих беседах с проезжавшим через Синьцзян одним из руководителей китайской Красной Армии Линь Бяо, который предложил ему вступить в китайскую компартию, от чего дубань отказался. Одновременно дубань выразил ряд сомнений в отношении политической линии и личного поведения Линь Бяо, Фан Лина и некоторых других “кочевников”.

³⁷ Там же, д. 20, л. 196 – 197.

³⁸ *Clubb O.E.* China and Russia. “The Great Game”. New York – London, 1971, p. 330.

³⁹ АВП РФ, ф. 0100 в, оп. 24, п. 180, д. 1, л. 14–16.

⁴⁰ Советско-китайские отношения, т. IV, кн. 1, с. 311–312.

26 января 1939 г. Овдиенко информировал НКВД о том, что Шэнь Шицай намерен отстранить от должности генерального секретаря Антиимпериалистического союза в Синьцзяне "кочевника" Хуана, который "в своей практической работе занимается коммунистической пропагандой и это может причинить больше вреда, чем пользу Синьцзяну". Этот вопрос дубань увязал с дальнейшими разногласиями с коммунистами, объявив выговор с опубликованием в печати комиссару финансов "кочевнику" Чжоу Бину. У "кочевников" появились настроения к отъезду из Синьцзяна. Сам Фан Лин уже поставил вопрос "об освобождении их от работы в Синьцзяне".

Все вышеизложенное содержалось в письме от 23 июня 1939 г. только что назначенного в мае заместителя наркома иностранных дел СССР В.Г. Деканозова на имя наркома внутренних дел Л.П. Берия⁴¹.

А тем временем развитие отношений СССР с Центральным правительством Китая все более расширялось. В середине мая 1939 г. Сталин по просьбе Чан Кайши вновь принял видного китайского деятеля Сунь Фо⁴². Касаясь содержания этой беседы, Чан Кайши в телеграмме Сталину от 24 мая 1939 г. писал: "Взоры всего китайского народа и китайской армии теперь обращены к Вам с горячими пожеланиями относительно оказания столь срочно необходимой материальной помощи"⁴³.

Помощь из СССР не замедлила прийти. 13 июня 1939 г. нарком внешней торговли А.И. Микоян и председатель Законодательного собрания Китая Сунь Фо подписали договор о предоставлении Советским Союзом Китаю кредита на 150 млн. долл., а 16 июня – торговый договор между двумя странами⁴⁴. Реализация этих договоров началась незамедлительно. Советские поставки шли, главным образом, через Синьцзян.

Всего с октября 1937 г. по сентябрь 1939 г. Советский Союз поставил Китаю 985 самолетов, 82 танка, более 1300 артиллерийских орудий, свыше 14 тыс. пулеметов, а также боеприпасы, оборудование и снаряжение⁴⁵. Тогда же, в сентябре 1939 г., было подписано соглашение об установлении прямой авиалинии между Алма-Ата и Хами.

Международное положение тем временем все более осложнялось, а из отдаленного Синьцзяна не всегда можно было увидеть все нюансы политической игры великих держав. Дубань, который, по оценке И.Х. Овдиенко, оставался "хитрым, к тому же далеко неразгаданным человеком"⁴⁶, предложил 10 июля 1939 г. арестовать большую группу германских миссионеров в количестве 74 человек, осуществлявших, якобы, шпионскую деятельность⁴⁷. Ему была непонятна медлительность Москвы, которая не давала согласия. Но это не помешало ему вскоре приветствовать заключение в августе советско-германского договора о ненападении⁴⁸.

Начавшаяся в сентябре 1939 г. Вторая мировая война, как и отпор, данный Советским Союзом весной и летом того же года японской военщине на полях Монголии, посеяли в Китае иллюзии относительно возможности более широкого участия СССР в войне против Японии. Многие китайские политики во главе с Чан Кайши планировали вовлечь СССР в войну против Японии с тем, чтобы, воспользовавшись этим, высвободить часть своих войск и нанести удар по вооруженным силам КПК⁴⁹.

В этих условиях Шэнь Шицай продолжал лавировать. 20 октября он принял группу работников генконсульства в Урумчи во главе с Овдиенко, в которую вошли приехавшие на стажировку молодые сотрудники НКВД, в том числе С.Л. Тихвинский, будущий известный советский дипломат в ранге посла и действительный член АН СССР. Дубань устроил для гостей обед из 25 блюд, а также выступил с речью, в кото-

⁴¹ АВП РФ, ф. 0100 в, оп. 24, п. 180, д. 1, л. 46–48.

⁴² *Тихвинский С.Л.* Китай в моей жизни (30–90 гг.). М., 1992, с. 16–17.

⁴³ Советско-китайские отношения, т. IV, кн. 1, с. 446.

⁴⁴ ДВП, 1939 г., т. 22, кн. 2. М., 1992, с. 508, 623, 642.

⁴⁵ Там же, с. 639–640.

⁴⁶ АВП РФ, ф. 0100в, оп. 24, п. 180, д. 2, л. 73.

⁴⁷ Там же, п. 181, д. 12, л. 51.

⁴⁸ ДВП, 1939 г., т. 22, кн. 2, с. 660.

⁴⁹ *Тихвинский С.Л.* Восприятие в Китае образа России, с. 114.

рой говорил о великой помощи СССР народам Синьцзяна и поднял тост за советских руководителей. С ответным словом выступили Овдиенко, Тихвинский и др.

25 октября генконсульство устроило ответный прием для общественных деятелей Синьцзяна. С докладом выступил С.Л. Тихвинский. “Его речь, – отмечалось в информации генконсульства, – носила ярко выраженный политический характер. Он остановился на значении Синьцзяна как надежного тыла в освободительной борьбе китайского народа против японских захватчиков”. Выступавший напомнил о тех достижениях, которые имели место за последние годы в Синьцзяне⁵⁰.

А такие достижения действительно были. И, конечно, не только в результате деятельности синьцзянских властей. Большое значение при этом имело уже упоминавшееся выше открытие советскими геологами нефтяных богатств в районе г. Шихо в 8–9 км от трассы Хоргос – Урумчи. Общие запасы нефти оценивались в 50 млн. т. С конца 1938 г. началось строительство нефтекомбината в Тушанцзы. Все оборудование поступило из СССР, а технические работы также осуществлялись советскими специалистами.

В 1942 г., когда нефтекомбинат был построен, он давал 7830 т нефти и 2900 т газа⁵¹. Все вопросы, касающиеся найма рабочей силы для комбината, обеспечение рабочих жильем и питание, осуществлялись китайской администрацией. Позже советскими геологами были обнаружены небольшие запасы нефти в ряде других районах Синьцзяна (Хоргос, Аксу и др.). Тогда же было достигнуто соглашение с правительством Синьцзяна на разведку и эксплуатацию месторождений олова и других минеральных богатств⁵².

Интерес к Синьцзяну проявляли, по словам дубаня, и английские консульские работники, обещая экономическую помощь, и даже предлагали ему посетить Индию, но он якобы вежливо отклонил их предложение, сославшись на занятость⁵³. Он, по-прежнему, выступал на словах за дружбу с СССР, боролся с “троцкистами” и “врагами народа”, в число которых нередко зачислял китайских коммунистов и некоторых сотрудников советских учреждений.

9 января 1940 г. заместитель наркома иностранных дел С.А. Лозовский в беседе с китайским послом Ян Цзе напомнил ему, что по просьбе Сунь Фо советское правительство согласилось построить самолетосборочный завод мощностью в 300 самолетов в год. Сунь Фо просил ускорить строительство завода. Идя навстречу этой просьбе, советское правительство поручило построить этот завод через 6 месяцев после подписания договора.

Было предложено выработать проект соглашения, в котором предусматривалось бы создание совместного китайско-советского общества по строительству и эксплуатации завода на паритетных началах, т.е. 50% с каждой стороны. На строительство завода, сказал Лозовский, уже ассигновано примерно 25 млн. руб⁵⁴.

27 февраля 1940 г. Народный комиссариат внешней торговли направил торгпреду СССР в Китае И.В. Бакулину в Чунцине проект соглашения о строительстве и эксплуатации авиационного завода в Урумчи для согласования с китайским правительством с учетом, что соглашение носит “особо конфиденциальный характер”⁵⁵.

Не дожидаясь всех согласований о строительстве завода, заместитель наркома иностранных дел СССР С.А. Лозовский 22 ноября 1940 г. сообщил полпреду в Китае А.С. Панюшкину, что “думаем послать китайцам в помощь авиацию и артиллерию, а также бензин”. Узнав об этом, Чан Кайши, по словам полпреда, “прямо обалдел”. 26 ноября 1940 г. Лозовский сообщил полпреду, что собираемся послать 170 самолетов, из них 20 бомбардировщиков, остальные истребители, 200 полевых орудий, 50 зе-

⁵⁰ АВП РФ, ф. 0100в, оп. 24, п. 180, д. 2, л. 73–73об.

⁵¹ РГАЭ, ф. 413, оп. 12, д. 8479, л. 32–32об.

⁵² *Clubb O.E.* Op. cit., p. 322.

⁵³ АВП РФ, ф. 0100в, оп. 24, п. 181, д. 12, л. 99.

⁵⁴ ДВП, т. 23, кн. 2, ч. 2. М., 1998, с. 773.

⁵⁵ РГАЭ, ф. 413, оп. 12, д. 4154, л. 3.

нитных орудий, 800 ручных пулеметов, 500 станковых пулеметов, а также снаряды, патроны⁵⁶. Но эти поставки не означали отказа от строительства завода, который был так нужен Китаю.

Однако в китайских правящих кругах имелись различные мнения по этому вопросу. Особенно против строительства завода выступал военный министр Китая Хэ Инцинъ, тесно связанный с американским капиталом⁵⁷.

Но внутривластное положение Китая продолжало ухудшаться. 30 марта 1940 г. японцы создали марионеточное правительство Китая во главе с одним из бывших лидеров Гоминьдана Ван Цзинвэем. А в мае того же года они предприняли варварские бомбардировки ряда китайских городов, в том числе временную китайскую столицу Чунцин. В налетах участвовало до 120 самолетов и погибло много тысяч мирных китайских граждан. Цель этих японских преступлений была одна – добиться капитуляции Китая до нападения Японии на СССР или на США и Великобританию. Этому же служило присоединение Японии 27 сентября 1940 г. к так называемому Тройственному союзу – Германии, Италии и Японии.

Но эти устремления агрессивных государств ускорили решение ряда вопросов, направленных на повышение обороноспособности Китая. Прежде всего, с помощью советских специалистов в январе 1942 г. был пущен нефтеперегонный завод, который дал первые 300 т бензина и 500 т керосина. “Будем стремиться, – писал в годовом отчете в НКВД за 1941 г. генконсул в Урумчи И.Н. Бакулин, – во втором полугодии получать 150 т нефти в сутки”⁵⁸.

Нефтекомбинат в Тушанцзы постепенно обрастал смежными хозяйствами по выращиванию овощей и фруктов, фермами, на которых местные крестьяне содержали овец, коров и лошадей.

Аналогичная ситуация складывалась со строительством авиаборочного завода в Урумчи, договоренность о котором была достигнута с китайской стороной еще в августе 1939 г. Но уже в 1941 г. так называемый “завод сельскохозяйственных машин” для посторонних лиц, а не самом деле авиаборочный завод № 600, получавший все детали из Новосибирска, которые доставлялись грузовиками “Совсиньторга”, по сообщению генконсула И.Н. Бакунина, “дал 140 отличных по качеству самолетов и отправил их в Союз”⁵⁹.

Первоначально Шэнь Шицай оказывал содействие в создании промышленных предприятий в провинции, будь-то освоение нефтепромыслов в Тушанцзы или строительство авиазавода в Урумчи. Так, авиационному заводу в Урумчи по договоренности с генконсульством был безвозмездно выделен участок земли площадью 1000 га. Следует отметить, что директор завода В.С. Еськов оказался крепким хозяйственником⁶⁰. Он не только обеспечил выпуск военной продукции, но и создал большой образцовый поселок, полностью электрифицированный и радиофицированный, оборудованный водопроводом и канализацией и имеющий все культурно-бытовые учреждения.

Не случайно, на завод потянулась местная молодежь из всех районов Западного Китая. Еськов даже решил организовать свое подсобное хозяйство, чтобы не зависеть от местных поставщиков, которые завышали цены на сельскохозяйственную продукцию. Обо всем этом он докладывал 12 октября 1943 г. зам.наркома внешней торговли Ю.М. Кагановичу⁶¹. Небольшой коллектив завода не потерял связь с Родиной и, когда началась война, собрал и сдал в фонд обороны 1,5 млн. руб., из них 645 тыс. руб. в инвалюте, за что коллектив завода получил благодарность от Сталина.

⁵⁶ ДВП, т. 23, кн. 2, ч. 1. М., 1998, с. 126, 128, 142.

⁵⁷ Панюшкин А.С. Указ. соч., с. 60–61.

⁵⁸ АВП РФ, ф. 0100в, оп. 29, п. 201, д. 2, л. 8.

⁵⁹ Там же, л. 7.

⁶⁰ Позже директор “600-го” завода В.С. Еськов (1906–1969) до ухода на пенсию успешно работал в 1945–1965 гг. в МИД СССР, возглавляя Управление делами.

⁶¹ РГАЭ, ф. 413, оп. 12, д. 7076, л. 15 – 16.

13 апреля 1941 г. Советский Союз подписал с Японией пакт о нейтралитете⁶². Это был важный дипломатический ход накануне нападения гитлеровской Германии на СССР. Договор вызвал беспокойство в правящих кругах Китая, поскольку вся китайская внешнеполитическая стратегия сводилась к тому, чтобы организовать “новый Хасан”, т.е. военное столкновение СССР с Японией, и “переложить тем самым тяжесть антияпонской войны в Китае прежде всего на плечи народов Советского Союза”, – отмечалось в справке врио. зав. 1-го Дальневосточного отдела НКВД СССР Н.М. Лифанова⁶³.

Нападение гитлеровской Германии и ее союзников на Советский Союз в июне 1941 г. и неожиданное отступление советских войск до Москвы и Ленинграда вызвало шок у дубаня и многих других китайских деятелей, у которых появилось неверие в способность СССР противостоять Гитлеру. Китайская печать в этот период заговорила даже о надвигающейся советско-японской войне в надежде, что японская агрессия против СССР облегчит положение Китая.

Но случилось невероятное. Япония 7 декабря 1941 г. без объявления войны совершила нападение на американскую военно-морскую базу в Перл-Харборе, а затем на английскую военно-морскую базу в Сингапуре. И, именно, в этот же день началась победоносная битва под Москвой, отбросившая гитлеровцев на 150–300 км от столицы.

8 декабря США, Великобритания и Китай объявили войну Японии. В тот же день Чан Кайши обратился к советскому послу А.С. Панюшкину с просьбой немедленно сообщить Сталину о его предложении об одновременном объявлении войны Соединенными Штатами Германии и Италии, а Советской России – Японии. Как бы подавая пример, Чан Кайши заявил, что Китай также объявит войну Германии и Италии. Одновременно он предложил заключить антияпонский военный союз во главе с США⁶⁴.

На первый взгляд предложение Чан Кайши было логичным и равноправным: Китай объявлял войну Германии и Италии, а СССР – Японии. На самом же деле Китаю не пришлось бы воевать с Германией, а тем более с Италией, тогда как Советский Союз открывал бы для себя новый фронт с Японией, когда гитлеровские полчища стояли у порога Москвы.

Ответ Сталина последовал незамедлительно. В своем послании от 12 декабря он писал Чан Кайши, что “антияпонский фронт на Тихом океане, равно как и антияпонский фронт в Китае” являются участком общего фронта государств, воюющих против агрессоров. Но «антигерманский фронт, – подчеркивалось в послании, – имеет решающее значение. Основную тяжесть войны против Германии несет СССР. Победа СССР на антигерманском фронте будет означать победу Англии, США, Китая против государств “оси”... Я прошу Вас поэтому не настаивать на том, чтобы СССР немедленно объявил войну Японии. Конечно, Советскому Союзу придется воевать с Японией, так как Япония, безусловно, нарушит пакт о нейтралитете, и к этому надо быть готовым»⁶⁵.

В тот же день А.С. Панюшкин вручил Чан Кайши текст письма Сталина. В своем ответном послании Сталину от 18 декабря 1941 г. Чан Кайши согласился с точкой зрения Москвы о нецелесообразности “немедленно объявлять войну Японии”⁶⁶. Однако подведомственная ему китайская печать продолжала время от времени публикацию статей, которые могли осложнить советско-японские отношения. Тем более что поводы для этого были.

Но если Чан Кайши в своей речи 18 сентября 1941 г. по поводу 10-й годовщины захвата японцами Маньчжурии еще говорил о необходимости дальнейшего улучшения отношений с СССР, то вскоре эта тема исчезла из подведомственной ему печати. Цент-

⁶² ДВП, т. 23, кн. 2, ч. 2, с. 565–566.

⁶³ ДВП, т. 25, кн. 1. М., 2010, с. 207.

⁶⁴ АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 363, д. 2472, л. 107–109.

⁶⁵ Там же, д. 2473, л. 131–134.

⁶⁶ Там же, д. 2472, л. 128.

ральное правительство Китая во главе с Чан Кайши заняло открыто проамериканскую позицию, которой оно придерживалось все последующие годы.

Это не мог не учитывать дубань Синьцзяна, который поддерживал личные связи с Чунциным. Если еще в 1937–1938 гг. он информировал советское генконсульство о некоторых своих шагах и даже знакомил с шифрперепиской с Чан Кайши, то военные неудачи СССР летом 1941 г. и особенно отступление в 1942 г. советских войск к Кавказу породили у дубаня неверие в способность СССР противостоять Гитлеру. Правда, в начале войны на волне возросшего патриотизма советских граждан и друзей советского народа в Синьцзяне дубань распорядился передать в фонд обороны 50 т свинца и 1 млн. руб., собранных среди населения Синьцзяна через “Комитет помощи бойцам Красной Армии”⁶⁷. Однако в последующие месяцы он активизировал свою борьбу против “троцкистов” и будто бы “антисиньцзянской деятельности” советских официальных представителей. Так, вдохновителем и организатором “уйгуро-казахского белогвардейского заговора” оказался упоминавшийся выше и.о. генконсула СССР в Урумчи И.Х. Овдиенко. В своем годовом отчете за 1941 г. генконсульство отмечало, что дубань пытается проводить линию о том, что учение Ленина и Сталина не имеет ничего общего с марксизмом, а СССР проводит политику красного империализма, не строит фабрик и заводов в Синьцзяне и не хочет, чтобы Синьцзян был независим в своей экономике от Советского Союза.

Подытоживая изложенное, генконсул И.Н. Бакулин отмечал, что дубань, видимо, обиделся, что прошло 4 года, а его больше не приглашают в Москву. В свое время, опираясь на СССР, дубань поставил себя в официальных отношениях обособленно от Центрального правительства Китая. Теперь же, ожидая ослабления Советского Союза в ходе войны, он намеренно создавал определенный антисоветский капитал, чтобы при случае он смог бы откупиться от нареканий руководства Гоминьдана⁶⁸.

Постепенно Шэнь Шицай предпринимал конкретные шаги по сближению с китайским правительством в Чунцине. Чан Кайши действовал осторожно, стремясь не отпугнуть дубаня. Эта тактика себя оправдала. 8 мая 1942 г. генконсул Бакулин в телеграмме Молотову сообщил, что дубань послал в Чунцин вместе с бывшим представителем Синьцзяна при Чан Кайши своего брата Шэнь Шиди с большим количеством подарков, в том числе 31 кг золота.

После отлета брата генконсулу было вручено письмо дубаня от 4 мая на имя Сталина, Молотова и маршалов Ворошилова и Тимошенко, в котором сообщалось, что правительство Синьцзяна согласно с предложенным советским правительством текстом договора об эксплуатации нефтекомбината в Тушанцзы, но его подписание станет возможным лишь после передачи его секретного письма в Москве делегацией Синьцзяна во главе с его братом Шэнь Шином⁶⁹.

Но оказалось, что в этом “секретном письме” дубань предложил ввести трехстороннюю эксплуатацию нефтепромыслов в Тушанцзы, поскольку СССР будто бы заповздал и не заключил двустороннее соглашение с Синьцзяном⁷⁰.

Прошло два дня, и 10 мая Шэнь Шицай прислал на имя советских руководителей новое письмо, содержащее “показания” арестованных им лиц, создавших контрреволюционную организацию, имевшую целью “срывать тыл оборонительной войны Китая и свергнуть правительство Синьцзяна путем заговора”. На этот раз дубань утверждал, что контрреволюционная организация была создана под руководством генерального консула СССР в Урумчи И.Н. Бакулина и военного советника генерала П.Ф. Ратова⁷¹.

Эти письма дубаня возмутили Молотова, и он сразу же подготовил на них довольно резкий ответ. Но, посоветовавшись со Сталиным, было решено направить в Урумчи

⁶⁷ Там же, ф. 0100в, оп. 29, п. 201, д. 2, л. 58–65.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ ДВП, т. 25, кн. 1, с. 324 – 325.

⁷⁰ АВП РФ, ф. 06, оп. 4, п. 21. д. 226, л. 6–13.

⁷¹ Там же, д. 222, л. 19.

В.Г. Деканозова, который как раз курировал отношения СССР с этим регионом, чтобы несколько смягчить наметившийся разлад в отношениях с важной провинцией Китая, что в условиях войны могло бы нанести определенный вред нашим отношениям с Китаем.

21 мая 1942 г. сотрудник генконсульства в Урумчи И.Ф. Курдюков, работавший ранее консулом в Чугучаке и Калгане, сообщил дубаню по телефону, что Москва отзывает П.Ф. Ратова и одновременно вызывает в НКВД для консультаций И.Н. Бакулина. В этой связи Бакулин хотел бы перед отъездом встретиться с Шэнь Шицаем. Но дубань его не принял⁷².

Дубань в свою очередь несколько раз спрашивал, где находится Молотов. Но генконсульство не могло ответить на этот вопрос, так как его, естественно, не информировали о работе наркома. Позже стало известно, что в те дни Молотов находился с визитом в Великобритании и США, который в условиях войны осуществлялся секретно. Когда же через некоторое время дубань узнал об этом, то пришел в полное смятение. Он уже списал Советский Союз как великую державу, поскольку гитлеровские войска уже двигались к Кавказу, а оказалось, что с Россией считаются самые авторитетные политики мира – Ф. Рузвельт и У. Черчилль.

На очередной встрече с Курдюковым 8 июня 1942 г. дубань впервые услышал от него фамилию Деканозова, который подписал телеграмму о согласии НКВД принять представителя дубаня, его брата Шэнь Шици, приехавшего в Москву⁷³. На вопрос дубаня Курдюков мог лишь сообщить, что Деканозов работает в НКВД заместителем наркома с мая 1939 г., а затем был послом СССР в Германии. В настоящее время он занимается в НКВД вопросами отношений СССР со странами Среднего Востока.

Но прежде чем говорить о миссии Деканозова несколько слов о нем самом.

В.Г. Деканозов, грузин по национальности, родился в 1898 г. в Баку в семье контролера нефтяного управления. Он, как и многие в ту революционную пору, всему учился понемногу. Ему хватило 5 классов бакинской гимназии и два курса медицинского факультета. Затем революционная волна в Закавказье захватила молодого человека. В 1920–1921 гг. он – начальник специального отряда 20-й дивизии 11-й армии РККА. С июня 1921 г. он служил в ВЧК. Затем работал на руководящих должностях в органах госбезопасности Азербайджана и Грузии, где познакомился со своим будущим покровителем Л.П. Берия. По его протекции находился в 1931–1938 гг. на различных ответственных должностях в партийном и государственном аппарате, в том числе в должности наркома пищевой промышленности, зам. председателя СНК Грузии. Вслед за Берией в 1938 г. перешел на работу в Главное управление государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР.

Будучи заместителем начальника ГУГБ и начальником контрразведывательного отдела, он тоже приложил руку к различного рода “чисткам” аппарата в Москве. С 2 декабря 1938 г. по 13 мая 1939 г. он возглавлял Иностраннный отдел, т.е. разведку. Получил звание комиссара госбезопасности 3-го ранга⁷⁴.

С мая 1939 г. он – заместитель наркома иностранных дел СССР, курировавший работу кадровой службы НКВД. Наркомат тогда находился на Кузнецком мосту рядом с Лубянской. Он сидел в большом кресле, его плотная фигура при небольшом росте, но с суровыми и пронзительными глазами и орлиным носом выглядела внушительно. Заходить к нему боялись. Особенно женщины. Он был женолюб.

В то же время после “чистки” Наркоминдела в 1939 г. он, в общем-то, не свирепствовал в работе с кадрами. Правда, мог иногда сказать проштрафившемуся работнику, то ли смехом, то ли всерьез, что сейчас нажмет кнопку и у его собеседника появятся за спиной “две свечки”, т.е. работники госбезопасности, поскольку Лубянка находилась у него за спиной через проезд.

⁷² Там же, ф. 0100в, оп. 29, п. 202, д. 12, л. 120.

⁷³ Там же, л. 125.

⁷⁴ СВР России – 90 лет. – Родина, 2010, № 12.

Будучи послом в гитлеровской Германии он многому научился. Характерен эпизод. Его не совсем грузинская фамилия вызвала интерес у главарей германских нацистов – Гитлера и Риббентропа, когда в декабре 1940 г. он вручал свои верительные грамоты в качестве Чрезвычайного и Полномочного посла СССР в Германии. На прямой вопрос Риббентропа о его национальности он подтвердил, что грузин, его родные происходят из местности, которая называется Карталиния, что с детства со Сталиным знаком не был, указав при этом на разницу в возрасте, почти в 20 лет⁷⁵. В беседе с Гитлером 19 декабря 1940 г. Деканозов на тот же вопрос еще раз уточнил, что “совместную революционную работу в Грузии со Сталиным не вел”. “Гитлер сказал, что я самый молодой посол в Берлине”, – информировал Деканозов Москву⁷⁶.

Но, несмотря на сравнительную молодость, он имел достаточное мужество сообщать в Москву о надвигавшейся гитлеровской угрозе. Вопреки настрою своего покровителя в лице Берия, Деканозов, оказавшись в Москве в мае 1941 г., лично докладывал Сталину, доверительную информацию германского посла в Москве Ф.В. фон Шуленбурга, что к “слухам (о войне) надо относиться как к фактам”⁷⁷. Сталин должным образом не воспринял его информацию. Последствия этого известны.

Деканозов заявил гитлеровскому министру Риббентропу ранним утром 22 июня 1941 г., когда тот путано пытался оправдать германское вторжение на территорию СССР: “Эта наглая ничем не спровоцированная агрессия. Вы еще пожалеете, что совершили разбойничье нападение на Советский Союз. Вы еще за это жестоко заплатите”⁷⁸.

Будучи послом, он сохранил и должность заместителя наркома иностранных дел. Поэтому, возвратившись в Москву после начала войны, он продолжил свою деятельность в качестве замнаркома, курируя деятельность НКВД по вопросам Ирана, Афганистана и Синьцзяна, а также кадры. НКВД был эвакуирован осенью 1941 г. в г. Куйбышев (ныне Самара), где коллективом руководил А.Я. Вышинский, поскольку Молотов оставался в Москве, а Деканозову наряду с его постоянным кругом вопросов приходилось заниматься в Куйбышеве и многими другими возникавшими проблемами.

После войны ему пришлось заниматься экономическими вопросами: сначала в 1947–1951 гг. в качестве заместителя начальника Главного управления советским имуществом за границей, а также члена советской части Постоянной комиссии по внешним экономическим связям между СССР и Болгарией. С 24 мая 1952 г. он член Комитета по радиовещанию при СМ СССР. В 1953 г. Деканозов возвратился в Грузию в качестве министра внутренних дел республики, но это был закат его карьеры. В июне 1953 г. его арестовали “по делу Берия”, а в декабре – расстреляли. Но все это было позже.

Теперь обратимся непосредственно к “миссии Деканозова”. 26 июня 1942 г. Молотов сообщил Шэнь Шицаю, что ответ советского правительства на его письма от 4 и 10 мая, врученные представителями дубаня в Москве, передаст В.Г. Деканозов, “который выедет в Урумчи в ближайшие дни”.

Деканозов прибыл в Урумчи 6 июля. Дубань его не встречал, но на аэродроме присутствовали многие высокопоставленные чины – командующий 8-й военной зоной генерал Чжу Шаолян, министр экономики Вэнь Вэньхао, начальник ВВС Китая генерал Мао Банчу и др. О предстоящем приезде Деканозова дубань проинформировал Чан Кайши.

Шэнь Шицай принял Деканозова 7 июля рано утром. Он был подчеркнуто любезен, вышел к воротам, выставил почетный караул. Заместитель наркома был с советником посольства СССР в Китае Т.Ф. Скворцовым, выступавшим в качестве переводчика,

⁷⁵ ДВП, т. 23, кн. 2, ч. 1, с. 183.

⁷⁶ Там же, с. 214.

⁷⁷ Соколов В.В. Новые данные о подготовке германского вторжения в СССР в 1941 г. – Новая и новейшая история, 2000, № 1; *его же*. Германский посол в Москве в 1934–1941 гг. Ф. Шуленбург – противник войны с Советским Союзом. – Новая и новейшая история, 2010, № 2.

⁷⁸ Бережков В.М. Страницы дипломатической истории. М., 1984, с. 54.

а дубань со своим братом Шэн Шици, хорошо говорившим по-русски. По традиции Деканозов передал дубаню подарки от советского правительства. После предварительной краткой беседы Деканозов вручил дубаню два письма от имени советского правительства, являвшимися ответами на письмо дубаня от 10 мая, сопроводив их соответствующими пояснениями.

В письме от 3 июля 1942 г., утвержденного Сталиным, но за подписью Молотова, довольно жестоко говорилось: “В присланных материалах и в письме возводятся неслыханные и совершенно бездоказательные обвинения против генерального консула СССР в Урумчи г. Бакулина, главного военного советника генерала Ратова, а также против других названных в письме советских работников в Синьцзяне. Все эти обвинения основываются на каких-то провокационных слухах и для советского правительства ясно, что Вы, г-н Дубань, попали в плен этих слухов. Если верить слухам, циркулирующим в Синьцзяне и в Москве, то виновником смерти Шэнь Шичи называют Вас, г. Дубань. При этом утверждают, что Вы организовали убийство Шэнь Шичи⁷⁹, считая последнего своим соперником в деле управления Синьцзяном. Однако советское правительство так легко не поддается слухам... Что касается самого следствия и фактических его руководителей, ... то они не внушают нам никакого доверия. Как известно и по другому следствию, в котором возводились клеветнические обвинения также против советского гражданина – вице-консула в Шара-Сумэ⁸⁰, выяснилась полная бездоказательность обвинений, что, между прочим, вызвало отказ от подписания выводов следствия со стороны приглашенных Вами двух видных китайских деятелей”.

Советское правительство, говорилось далее в письме, “категорически отмечает, как совершенно необоснованные и явно клеветнические, все обвинения”, предъявленные ответственным советским работникам, которые “в течение длительного времени честно работают на пользу Синьцзяна и советско-китайской дружбы”.

Советское правительство отвергло предложение дубаня направить в Урумчи своих следственных работников, считая “следствие внутренним делом самого Синьцзяна”. В то же время было высказано сомнение в правильности таких действий дубаня, “как непрекращающиеся репрессии, снятие с постов и аресты крупных деятелей Синьцзяна, что приобрело крайне широкий и опасный характер. Есть угроза, что такими действиями будет ликвидирована большая часть гражданских и военных кадров в Синьцзяне”.

В письме делалась ссылка на допускавшиеся дубанем в прошлом серьезные ошибки, которые помогло исправить советское правительство. Так, еще в 1934 г. дубань обратился к советскому правительству с предложением “о скорейшем осуществлении коммунизма в Синьцзяне и распространении его на Ганьсу и Шеньси”. Дубань предлагал свергнуть национальное правительство Китая во главе с Чан Кайши. Советское правительство, отмечалось в письме, заявило тогда дубаню, что считает политику скорейшего осуществления коммунизма в такой отсталой провинции, как Синьцзян, ошибочной и вредной и настаивало на политике “полной лояльности к Центральному правительству и единого фронта с ним в борьбе с империализмом”.

Во время событий в Сиани в декабре 1936 г., когда генерал Чжан Сюэлян арестовал Чан Кайши, говорилось далее в письме, “Вы заняли позицию полной и безоговорочной поддержки Чжан Сюэляна и его действий”. Советское правительство, отмечалось далее в письме, “сразу же публично высказало свое отрицательное отношение к провокационному восстанию Чжан Сюэляна”, считая, что оно может “пойти на пользу лишь японской агрессии и нанести удар общекитайским интересам”. Только после настойчивых рекомендаций советского правительства “Вы отказались от намерения поддержать Чжан Сюэляна”.

⁷⁹ Брат дубаня Шэнь Шичи (Петров), окончивший Военную академию им. М.В. Фрунзе в Москве, член ВКП(б), 19 марта 1942 г. якобы застрелился.

⁸⁰ Х.К. Бикмурзин был затем в 1946–1949 гг. советским консулом в Кашгаре.

“Наконец, в январе 1941 г. Вы обратились к нам с предложением отсоединиться от Китая, – напоминаясь далее в письме, – создать в Синьцзяне советскую республику и включить ее в состав СССР, мотивируя это наличием “удобного случая, когда английские империалисты и Чан Кайши не могут вмешаться в дела Синьцзяна”... “Советское правительство по тем же соображениям, что и в прежние годы, как Вам известно, отнеслось и к этому Вашему предложению резко отрицательно”⁸¹.

В тот же день, 7 июля, советское правительство поручило послу СССР А.С. Панюшкину вручить текст этого письма Чан Кайши, который и был вручен 9 июля⁸².

Молотов через Деканозова передал свое ответное письмо дубаню на его письмо от 4 мая, в котором тот предложил трехстороннюю эксплуатацию нефтепромыслов в Тушанцзы. Предложение дубаня возмутило наркома. Он писал: “В течение нескольких лет по договоренности с Вами” советские специалисты “произвели необходимые разведочные работы, обнаружили соответствующие источники нефти и построили нефтеперегонный завод, оснастив его советским оборудованием”. “Вы, г-н дубань, поставили советское правительство перед фактом своего нового предложения”. Советское правительство “считает для себя возможным предоставлять оборудование, своих специалистов и вкладывать капиталы лишь в такое предприятие на территории Синьцзяна, в управление которым участвуют только две стороны, а именно – Советский Союз и Синьцзян или центральное китайское правительство.

Если же Вы, г. Дубань, намерены настаивать на своем предложении, то Советское правительство вынуждено будет отозвать своих специалистов и взять обратно оборудование с нефтекомбината Тушанцзы”⁸³.

Продолжая свою политику лицемерия, Шэн Шицай направил 17 июля 1942 г. на имя Сталина и Молотова благодарственное письмо “за посылку заместителя народного комиссара иностранных дел г. Деканозова в Синьцзян в чрезвычайно напряженной обстановке войны СССР против Германии. Подарки, привезенные мне г. Деканозовым от г. Сталина, г. Молотова, маршала Ворошилова и маршала Тимошенко, мною получены, за что очень благодарю Вас.

Желаю Вам здоровья.

Желаю Вам победы над Германией”⁸⁴.

Визит Деканозова принял странный характер. Поскольку он был неофициальным, то заместитель наркома уклонился от участия в протокольных мероприятиях. Все свелось к нескольким беседам с дубанем, в ходе которых происходил обмен письмами. Ожидания, что дубань изменит свою позицию, не оправдались.

В Москве продолжали еще верить Шэнь Шицаю и его словам о будто бы имевшемся у него желании сотрудничать с СССР. Советские руководители пытались вразумить Шэнь Шицая. 21 июля 1942 г. Деканозов направил Шэнь Шицаю письмо, приложив к нему “Краткую памятку” о ненормальных условиях работы советских специалистов в Синьцзяне. В письме выражалась надежда, что “будут приняты необходимые меры для улучшения создавшегося положения”⁸⁵.

В приложенной к письму-памятке говорилось, что “с конца 1941 г., особенно с весны 1942 года, отношение со стороны синьцзянских чиновников к советским специалистам (советникам, инструкторам, инженерам), работающим в провинциальных и окружных учреждениях резко ухудшилось”⁸⁶.

Деканозов, все еще находясь в Урумчи, 8 июля сообщил Шэнь Шицаю, что подробное содержание врученных ему материалов он передал советскому правительству. 14 июля он направил дубаню телеграфный ответ советского правительства от 13 июля 1942 г. за подписью Молотова, в котором говорилось, что советское правительство “не

⁸¹ Советско-китайские отношения, т. IV, кн. 1, с. 700–702.

⁸² Там же, с. 702–703.

⁸³ АВП РФ, ф. 06, оп. 4, п. 21, д. 226, л. 14.

⁸⁴ Там же, д. 222, л. 38.

⁸⁵ Там же, л. 40.

⁸⁶ Там же, л. 41.

нашло в них каких-либо новых данных, которые могли бы изменить мнение советского правительства о бездоказательных и явно клеветнических обвинениях, выдвинутых против честных и проверенных советских работников в Синьцзяне»⁸⁷. 26 июля Деканозов вернулся в Москву.

17 июля 1942 г. Шэн Шицаю дал официальный пространственный ответ Молотову на его послание от 3 июля и телеграмму от 13 июля, полученные им через Деканозова. В нем широко цитировалось послание Молотова, но что-либо конкретного было мало⁸⁸. Дубань хвастливо сообщал о поездке его младшего брата Шэнь Шици в Чунцин для личного свидания с Чан Кайши. Его брат был три раза на приеме у Чан Кайши, в ходе которых обсуждались многие вопросы, в том числе:

1. Относительно нефтяных промыслов Тушанцзы Чан Кайши сказал, что ему известно, что указанные нефтяные промыслы уже начали давать нефть и он намерен послать в Синьцзян своего представителя для урегулирования всех вопросов на месте, так как нефть имеет серьезное значение в деле оборонительной войны Китая.

2. Чан Кайши отметил, что до сего времени Синьцзян выбирал в члены Политического совета только тех лиц, которые проживали в Чунцине, а не из местных жителей Синьцзяна, что не соответствует Уставу.

Он сразу же назначил Шэнь Шици действительным членом Политического совета от Синьцзяна, который обязан присутствовать на каждой сессии Совета. Шэнь Шици ответил согласием.

Чан Кайши поручил Шэнь Шици передать дубаню, что Синьцзян под руководством Шэнь Шицаю имеет заслуги перед нашим государством в деле укрепления тыла оборонительной войны... Отныне Синьцзян должен во всем подчиняться приказам Центрального правительства и исполнять все его указания по дипломатической линии⁸⁹.

Дубань мог быть доволен, полагая, что с ним считаются. Но он ошибался.

20 августа 1942 г. Молотов направил дубаню телеграмму в ответ на его письмо от 17 июля: «Советское правительство принимает к сведению Ваше заявление о целесообразности участия в управлении нефтекомбинатом Тушанцзы двух сторон, а именно – Центрального Китайского правительства и Правительства СССР, и выражает свое согласие с этим заявлением»⁹⁰.

Однако начавшиеся советско-китайские переговоры быстрого успеха не обещали. Синьцзянские власти продолжали чинить всякие препятствия, делающие невозможным нормальную работу завода. Так, например, купцам запрещалось продавать заводу продовольствие. Были созданы дополнительные трудности для набора рабочей силы из местного населения. Кроме того, синьцзянское правительство потребовало выплаты аренды за земельный участок, которым пользовался завод, хотя ранее он был предоставлен заводу дубанем бесплатно.

В связи с этим советское правительство решило ликвидировать авиазавод и отозвать из Синьцзяна в СССР советских рабочих, административно-технический персонал и вывезти промышленное оборудование и материально-технические средства⁹¹.

Надо к тому же иметь в виду, что завод задумывался в мирное время до гитлеровского нашествия на СССР. В условиях войны возить детали из Новосибирска стало невыгодным. К тому же СССР должен был соблюдать пакт о нейтралитете с Японией.

Одновременно посол СССР поставил перед китайским МИД вопрос об урегулировании вопроса, связанного с деятельностью нефтекомбината в Тушанцзы. Советские предложения, переданные китайскому правительству 18 января 1943 г., не нашли понимания у китайской стороны. Встречные предложения китайской стороны содержали неравные условия и ущемляли права советской стороны⁹².

⁸⁷ Там же, л. 27.

⁸⁸ Там же, л. 28–28об.

⁸⁹ Там же, д. 226, л. 37–37об.

⁹⁰ Там же, л. 16.

⁹¹ Панюшкин А.С. Указ. соч., с. 257–258.

⁹² Там же, с. 259.

Синьцзянское правительство, которому было известно об этих переговорах, не только не прекратило бесчинства на комбинате, но еще только усилило такие действия, исключив тем самым нормальную работу комбината. При этом Шэнь Шицай пытался оправдать свои действия ссылкой на то, что это все делается не без ведома Центрального правительства Китая⁹³.

Вернувшись в Москву, Деканозов информировал заместителя председателя Госбанка СССР Н.Ф. Чечулина: «Ввиду создавшейся обстановке в Синьцзяне Советским правительством решено:

1. Ликвидировать наши предприятия в Синьцзяне (авиазавод, нефтекомбинат в Тушанцзы, трест “Синьцзянолово”), а их работников и материально-технические средства вернуть из Синьцзяна в Советский Союз.

2. Свернуть торговую деятельность советской торговой организации “Совсиньторг”.

3. Всех наших советников и инструкторов, командированных в Синьцзян по просьбе синьцзянского правительства для работы в китайских учреждениях, отозвать в Союз».

Так закончилась неудачная “миссия Деканозова”.

⁹³ Там же.